

**Морозова Татьяна. Роберто Бартини. –
Таганрог: Лукоморье, 2002. – 31 с.**

Так в незаконченной киноповести «Цепь», мне кажется, Роберт Людвигович Оросди Бартини выразил свое жизненное кредо.

...В телефонной трубке раздался чуть глуховатый голос, человек говорил, твердо произнося согласные: - Если вас не затруднит, позвоните завтра в четыре... нет, лучше в половине пятого, если я сумею освободиться, то с удовольствием встречу с вами.

И вот половина пятого... - Вы легко найдете: первый подъезд, четвертый этаж, лифт налево.

Столько приходилось слышать об этом человеке полных удивления и восхищения слов, что вхожу, несколько оробев.

- Здравствуйте, пожалуйста проходите, - хозяин принимает из рук пальто и приглашает: - Сюда, вам здесь будет уютнее...

Обычная московская квартира, похожая и непохожая на тысячи других. Синие, как предутреннее зимнее небо, стены увешаны картинами. Об этих картинах читала раньше: их мало увидеть, их надо понять... И, пожалуй, самая крупная деталь в небольшой гостиной - бюст хозяина дома работы известного скульптора Файдыш-Крандиевского.

- Нас познакомил Сергей Павлович Королев...

Здесь они и встретились в последний раз: живой Бартини и его застывший в граните ученик Сергей Павлович Королев - в мастерской скульптора.

- Мы давние знакомые, когда-то вместе работали. Если точнее, то С.П. Королев работал в молодости чертежником в конструкторском бюро Бартини.

Мне кажется, Роберт Людвигович всегда говорил ровно столько, сколько хотел сказать. Но я познакомилась с ним тогда, когда ему уже мало осталось жить, и он, видимо, стал более открыт для общения. - Знаете, многое начато и не завершено, не хватает времени. Хочется записи привести в порядок, может быть, что-нибудь пригодится - если не сейчас, то в будущем.

В его квартире не было телевизора - отвлекает от работы, а работал он под приглушенную музыку старенького приемника. Тихая музыка ему помогала думать.

Техническая мысль на два-три десятилетия у Роберта Людвиговича опережала время. Так, в самом начале тридцатых годов им была предложена та стреловидная форма скоростного самолета, которая лишь десятилетия спустя стала технической реальностью. А в его завещании «Моя воля» сказано, что пусть сохраняют его наброски и вскроют их через триста лет. Интересно, какие жемчужины отыщут там наши потомки?

- Необычное, - говорил он, - надо искать в обыденном. Вот, веками люди считали Землю неподвижной, ведь это был очевидный и неоспоримый факт, - не так ли? А новое, как правило, рождается в муках и принимается нелегко.

Да, конечно, нелегко. Особенно когда судьбу гениальных открытий приходится решать людям обычным, еще хуже - ограниченным.

- Прогресс?.. - Прогресс идет ускоренно: каменноугольный период длился долго-долго, юрский - меньше, первобытное общество - еще меньше - и так далее. Хотим мы того или не хотим - в биологическом развитии, в общественном устройстве, в технике побеждает оптимальный вариант.

И на чистом листе бумаги передо мной выстраиваются интегральные формы этого предполагаемого оптимального варианта...

Нет, жизнь Бартини не была оптимальным вариантом.

За несколько дней до встречи с Робертом Людвиговичем я побывала в Музее истории авиации имени Н.Е. Жуковского, познакомилась с материалами, посвященными Бартини. Там же состоялась моя встреча с бывшим летчиком-испытателем В.А. Карповым.

- Вы хотите писать о Бартини? Мне видится фильм. Цветной.

И в моем воображении стали рождаться кадры.

...В старинном пышном парке среди моря цветов и радужных струй фонтана, где журчат по камням прозрачные водопады, а на дорожках синим пламенем плавают павлиньи хвосты, под присмотром гувернантки бегают маленький мальчик с живыми глазами и с золотой россыпью волос поверх кружевного воротничка. В зелени парка утонул дворец. Из окна его над зеленым разливом плывет музыка. Бетховен, Верди, Вагнер. Играет донна Паола, мама... Она очень рано ушла из жизни. Роберто ее плохо запомнил.

Горы полукольцом охватили древний Фиуме. Смотрятся в лазурную гладь залива Кварнер теплого Адриатического моря.

Роберто учится плавать. Он станет хорошим пловцом и даже будет участником европейских юношеских соревнований. И позднее, уже в России, в Севастополе, на спор с друзьями, он прыгнет в море с многометровой стрелы крана. - Было страшно, - улыбнулся Роберт Людвигович, вспоминая, - но на набережной собрались «зрители». Был «бархатный» сезон, много народу, молодые красивые женщины... Я все рассчитал, поднявшись наверх, - и как лучше прыгнуть и под каким углом войти в воду.

Тренированное тело спортсмена стрелой почти без брызг вошло в волны. Раздались аплодисменты. Но это будет потом.

А пока мальчик учится. Специально приглашенные учителя дают ему уроки. И не только учителя. Домашний врач позволяет заглянуть в окуляр микроскопа и рассказывает: - По расчетам Эрнста Геккеля жизнь, развиваясь от древней гастеры до человека, сделала в масштабе времени около ста тысяч шагов, а впереди их гораздо больше, человечество еще очень юно...

Их было двое, врачей, в штате прислуги секретаря королевства графа Людовико Орос ди Бартини. С младшим доктором Бальтазаро очень был дружен Роберто.

- Если человечество так молодо, - спрашивал Роберто у отца, - то почему «золотой век», о котором пишут в книгах, уже прошел?

- Нет, - отвечал отец, - «золотой век» не прошел, он еще впереди.

В обширной библиотеке отца Роберто находил все: старинные фолианты по естественной истории, сочинения великих греков, французских просветителей, английских социалистов, немецких экономистов, философов всех течений. Людовико Орос ди Бартини в молодости увлекался естественными науками, в частности, химией. В доме дяди у него была маленькая лаборатория. Изобретался порох. Тогда все изобретали порох. Увлечение этой «плебейской» наукой не одобрялось, и, по настоянию родителей, старший Бартини заканчивает юридический факультет. Он был человеком широко образованным и, несмотря на высокий государственный пост, достаточно демократичным. Это сказывалось и в отношении к подчиненным, к прислуге. Таким он воспитал и сына.

- Как далеко прослеживается ваша родословная? - спросила я у Роберта Людвиговича.

- Не знаю, - сказал он, - отец, хотя и был дворянином, не придавал этому никакого значения.

Роберто мог вырасти изнеженным барчуком, обстановка и окружение к этому располагали. Тем не менее, с детства его отличали любознательность и трудолюбие. Он не утратил этих качеств до конца своих дней.

Когда Роберто исполнилось шестнадцать, отец подарил ему ... аэроплан. Настоящий. Летать его обучал один из лучших летчиков Италии по фамилии Донати. А потом он совершенствовался в Школе летчиков в Милане. В одном из последних тренировочных полетов произошла авария. - Я понял, что падаю, и вырулил на безлюдную площадь. Это было в Риме. Улицы итальянской столицы опустели - началась Первая мировая война, схлынула волна туристов.

Его извлекли из-под обломков, но пилот «родился в рубашке» и отделался сравнительно легко: сломан палец, выбит зуб. С авиацией пришлось расстаться. Расстаться не навсегда. На время. Он вернется к ней в новом качестве: сначала инженера, потом конструктора.

...1916 год. Италия уже втянута в войну. Девятнадцатилетний Роберто после кадетской школы, вопреки надеждам отца, попадает в эту холодную и «дикую» страну, в непонятную Россию. Кто тогда мог предсказать, что с этой страной окажется связанной вся нелегкая жизнь Бартини, что в этой земле покоятся его кости.

И вот фронт. Австро-венгерская армия, в одну из частей которой направлен кадет Бартини, держит оборону на Буге. Местечко называется Гниловоды.

Через несколько дней после прибытия в часть кадета Бартини судит военно-полевой суд и приговаривает к смертной казни. Это первый в его жизни смертный приговор, но не последний... Среди австрийских офицеров в части был лейтенант, который садистски издевался над солдатами.

Накануне он избил солдата за то, что тот не слишком расторопно приветствовал лейтенанта. Солдат же, обороняясь, нечаянно ударил лейтенанта, был судим и военно-полевым судом приговорен к повешению.

Вот с этим-то лейтенантом и произошла на узкой тропе встреча кадета Бартини. Кадет демонстративно прошел мимо, не приветствуя лейтенанта.

- Вернитесь, кадет! - приказал тот. - И отдайте честь!

- А честь неплохо бы иметь свою! - дерзко ответил кадет.

Лейтенант схватился за оружие, кадет выстрелил быстрее...

Спас Бартини знаменитый брусиловский прорыв, неожиданное наступление русских, захват в плен.

Дряхлый паровозик тащил больше месяца щелястые товарные вагоны с военнопленными с крайнего Запада страны на дальний ее Восток.

- Россия меня поразила! - говорит Роберт Людвигович. - Такая огромная земля! Такое обилие плодородных полей! Сколько лесов! И такие неказистые города, бедные деревеньки и нищий народ...

Четыре долгих года пленные жили на Красной речке. Здесь Бартини к своим итальянскому, немецкому и английскому добавил знание русского.

Итальянское правительство зафрахтовало японскую шхуну для перевозки военнопленных. Офицеры не простили Бартини его расправы с садистом-лейтенантом, не простили и интереса к революционным событиям, потрясшим Россию.

Против него на шхуне возник заговор. Офицеры сговорились отправить Бартини за борт на ужин акулам. Об этом заговоре узнает капитан и, во избежание неприятностей, сажает его под арест, а в ближайшем порту под охраной вооруженных солдат отправляет на берег. Солдаты отпустили «арестанта» за ближайшим углом. Так Бартини оказался в Шанхае.

- О, это любопытная история! - вспоминал Роберт Людвигович. Представьте: чужая страна, незнакомый язык, а у меня никаких документов!

Его приютила сначала бригада грузчиков. За чашечку риса он таскал с ними тяжеленные мешки. Потом подрабатывал шофером - тогда в Китае эта профессия была редкой, как сейчас профессия космонавта. Через итальянское представительство в Китае он получил от отца деньги и вернулся в Италию.

Идеи, которые выдвигала русская революция, молодой Бартини принял всем сердцем. Он уже не смог вернуться во дворец к отцу. Поселился в Милане. Работал и учился. Он экстерном заканчивает Политехнический институт и в эти же годы вступает в коммунистическую партию Италии. Номер его партийного билета - в первой десятке.

Отец ему писал: «...знаю, что ты стал коммунистом, но не хочу и не имею права влиять на твое решение. Это дело твоей совести. Но прошу тебя: живи дома. Ведь я один, и я люблю тебя, Роберто...»

Нет, сын не внял этому зову.

Обстановка в стране была сложной. Еще в 1919 году бывший социалист Муссолини стал формировать отряды «фашо». А 30 октября 1922 года, облаченный в черную рубаху с белым черепом, Муссолини въехал в Рим, и, не стяхнув с сапог пыли, предстал перед испуганным королем - тучи черной саранчи служили ему надежной опорой.

Фашистский режим Муссолини объявил компартию Италии вне закона. Тем не менее, она продолжала действовать в подполье.

Мы тогда наивно верили в мировую революцию, - вспоминал Роберт Людвигович. Ряд актов был в поддержку Октябрьской революции, в частности,

срыв покушения на делегацию России во время Генуэзской конференции. Главную «скрипку» здесь играл Бартини. Он познакомился с Борисом Савинковым. - Это был умный человек, широко образованный, мужественный. Он умел послать на опасное дело других, но, когда требовала необходимость - шел сам. Познакомиться с ним помогло мое знатное происхождение -монокль, тросточка, хороший французский. - Такой повеса, сорящий деньгами... А деньги были выданы от партийной кассы.

От Б. Савинкова и стали известны планы покушения на делегацию России.

Итальянские коммунисты преследовались все ожесточеннее, а Бартини правительством Муссолини приговорен к смертной казни, и за его голову обещана крупная сумма. ЦК компартии на тайной явке в горах под Миланом принимает решение переправить Бартини в Советский Союз.

Отец купил ему еще один самолет. Он ждет Роберто в Швейцарии. Тайно переправленный через границу, Бартини летит в Берлин. После многих приключений, в том числе операции по удалению аппендикса, которая едва не стоила ему жизни, кружным путем, через всю Европу, в 1923 году Бартини прибыл морем в Петроград. Некоторое время Бартини работает, видимо, в ведомстве Берзиня, но он об этом не вспоминал. Скорее всего, там убедились, что человек он для данной системы совершенно не подходящий. Затем какое-то время числится на работе в Коминтерне, а потом получает направление в Севастополь.

В 1929 году при подготовке грандиозного по тем временам перелета через Северный полюс в Америку, ответственным за морскую часть назначен Бартини, и в том же году Роберт Людвигович переведен на работу в конструкторское бюро. А через год его деятельность расследует Центральная Партийная Комиссия: поступил «сигнал» о «бредовых» идеях молодого конструктора, направленных на подрыв работы бюро, экономики государства.

Итогом этого «расследования» стало назначение Бартини главным конструктором КБ НИИ Гражданского воздушного флота. Комиссия отметила, что идеи реальны, но они опережают век и пока вне технических возможностей. Еще год спустя Роберт Людвигович за работу на этом посту был премирован правительством легковой машиной, лучшей' по тем временам, выпускаемой в стране, - «М-1».

Поблагодарив за награду, Бартини передал ее в дар Красной Армии. Правда, до Армии она так и не дошла: кто-то ее «пригрел» по дороге.

Человек этот был бесребреником, материальные блага, жизненные удобства считал мелочами, не стоящими внимания. Обстановка его последней московской квартиры была более чем скромной - книги и картины собственного письма были, пожалуй, единственным украшением.

В 1934 году умер старый граф Бартини, пришло известие о наследстве. Даже не поинтересовавшись количеством причитавшихся миллионов, всю движимость и недвижимость Бартини пожертвовал в пользу Международной Организации Помощи Революционерам (МОПР). Доверенность на получение на-

следства он передал Пальмиро Тольятти и Джованни Джерманетто. Скорее всего, это богатство постигла участь московской награды...

1933 год. Зима. Кремль.

Совещание ведет Серго Орджоникидзе. Представители Армии требуют самолетов не хуже, чем американские и японские, которые развивали скорость аж 300 километров в час! Отечественный «И-5» по сравнению с ними выглядел тихоходом, его максимальная скорость не превышала двухсот семидесяти километров в час.

- Что скажешь, Михаил Николаевич? - обратился Серго Орджоникидзе к Тухачевскому.

Михаил Николаевич встал, не спеша оглядел присутствующих, улыбнулся.

- Я внимательно слушал сообщения товарищей из промышленности, и должен сказать, что их соображения, приведенные здесь, и расчеты правильны и грамотны, они меня убедили, но ... дело в том, что самолет со скоростью четыреста километров в час мы уже имеем. Это «Сталь-б». И конструктор самолета присутствует на совещании - главный конструктор НИИ ГВФ Роберт Людвигович Бартини.

Сообщение, сделанное ровным и тихим голосом и отнюдь не рассчитанное на эффект, произвело впечатление громового раската среди зимней стужи, - может, такое и бывает, но слышать не доводилось...

- Сколько-сколько?! - послышались голоса. - Но это невозможно! Это противоречит законам механики! Законам термодинамики!

- Возможно! - жестко сказал Тухачевский. - «Сталь-б» проходит летные испытания.

Самолет «Сталь-б» был металлическим монопланом, с полностью убирающимся шасси. Вместо радиатора применялось так называемое испарительное охлаждение, что снижало лобовое сопротивление и позволяло увеличить скорость.

Работая над следующим самолетом «ДАР»-ом (Дальним арктическим разведчиком), Бартини делает в авиации еще один шаг вперед - он предложил кольцевую мотогондолу, то есть винт оказался заключенным в кольцо - это в полете давало дополнительную тягу. Явление получило название «эффекта Бартини» и под таким названием вошло в мировую теорию авиации. Позднее явление нашло применение в некоторых аппаратах вертикального взлета и посадки.

Авиаконструктор непрерывно ищет и находит новые решения, новые способы увеличения скорости и летных качеств машин. В следующем варианте «Сталь-7» Бартини вводит фюзеляж треугольного сечения и крылья «с переломом», похожие на перевернутые крылья чайки. В местах перелома крыльев устанавливаются легкие и короткие шасси. Эти изменения еще снизили воздушное сопротивление, увеличили подъемную силу на взлете и посадке. Пассажирский самолет «Сталь-7» легко можно было превратить в ночной дальний бомбардировщик, в конструкции предусматривалась возможность размещения

бомб и вооружения. Когда это понадобилось, конструкторское бюро под руководством ученика Бартини В. Е. Ермолаева превратило пассажирский самолет «Сталь-7» в военный самолет «Ер02». Вот так описывает освоение самолета двадцатилетний пилот, позднее дважды Герой Советского Союза, ныне генерал-лейтенант в отставке Александр Иванович Молодчий. Он написал книгу «В пылающем небе», выпущенную Издательством политической литературы (Киев, 1973 г.). Молодчий совершил во время войны 311 боевых вылетов, главным образом в глубокий тыл противника, из них 273 -ночные. Воевать начинал на «Ер-2».

«...К утру мы были на месте. Перед нами сразу же поставили задачу: в короткий срок освоить новый тип самолета «Ер-2». Тренировки начали на воронежском аэродроме. Руководил ими сам командир полка». -Это было на третий день войны. «...Самолет «Ер-2» был взят на вооружение до окончания государственных испытаний, в связи с начавшейся войной. В мирное время над ним бы еще долго «колдовали» - выявляли и устраняли недостатки, недоделки, «дотягивали», совершенствовали машину. Но вот началась война, она торопила. Чтобы противостоять гитлеровской воздушной армаде, требовались самолеты. По-настоящему испытывать новый бомбардировщик довелось нам. Мы учили летать «Ер-2» и в то же время учились сами».

августа 1941 года, совершенно неожиданно для немцев, над незатемненным Берлином появились русские боевые самолеты и взорвались первые бомбы.

«...Я был в числе тех, - пишет Молодчий, - кому в тот августовский день 1941 года взлететь не удалось. Мой самолет, перегруженный бомбами и горючим, от земли не оторвался.

Удачно взлетело более десяти машин, но Берлина достигли лишь семь. Боевое задание было выполнено».

Потом А.И. Молодчий полетит бомбить и Берлин и Кенигсберг, будет сажать свой «Ер-2» на аэродромы и вне аэродромов, израненным и горящим.

«...Ах ты, мать честная! - воскликнул механик Николай Барчук. - вот так изрешетили! Впрочем, пусть лучше такой - в дырах, чем никакой».

Много позднее в «Огоньке» я прочитала, что первыми бомбили Берлин - хотя дата называлась та же самая! - илюшинские «ДБ-3», взлетевшие с острова Саарема. Об этом вспоминал генерал-лейтенант в отставке, Герой Советского Союза П. Хохлов.

Так я до сих пор и не знаю: то ли, как всегда, оспаривался приоритет Бартини (его, кстати, это совсем не волновало!), то ли налет был массированным двумя группами наших самолетов...

А Роберт Людвигович от любимой работы уже более двух лет был отстранен - дорого стоившее недоразумение. Точнее - преступление. Сто дней провел авиаконструктор в «одиночке» на Лубянке, потом долгие-долгие годы в ссылке. Но даже в «одиночке», лишенный возможности излагать свои расчеты письменно, он продолжает работать - изобретает «в уме» - вот где пригодилась

его удивительная память!

В крошечной «одиночке», где и не разогнуться, он не только изобретал, но и ухитрялся делать гимнастику. И бушевал. Требовал карандаш и бумагу. Сам удивлялся позднее - добился. И написал письмо Сталину. Еще больше удивлялся - передали! Писал не о себе - о стране. О том, что ведущие авиаконструкторы арестованы, страна перед лицом врага останется без новых идей, без новых машин, без авиации.

Многие в его положении теряли веру, лишались жизненных сил. Верить - тоже требовало мужества. Еще большего - не подписать ни одного документа! Несмотря на истязания! Это тоже было подвигом. В конце концов он добился своего.

Его допрашивал лично Берия.

- Массивный маятник стоящих на полу часов отсчитывал секунды, - рассказывал мне Роберт Людвигович, - меня вот-вот должны пригласить за глухие, не пропускающие ни звука двери, и я не знал, что принесут эти секунды, и не последние ли они... Но жить так, не работая, не могу. Зачем такая жизнь?..

Наконец, дверь распахнулась, ковер поглотил шаги. В кабинете военачальники, бывшие коллеги-авиаторы. Берия похлопал по плечу, повернул к черной доске с кусочком мела: -Доказывай. Докажешь - наградой будет жизнь.

Потом были долгие годы несвободы.

Работал, а рядом, за спиной, была «свечка», шел в туалет в сопровождении «свечки», жил и ночевал на заводской территории, а за дверью все та же «свечка»...

В 1946 году возникла необходимость в тяжелых самолетах, способных переносить танки. Выбор пал на Бартини. Ему предложили ряд конструкторских бюро, Роберт Людвигович предпочел Таганрогский авиационный завод. Сюда, в Таганрог, и пришли заблудившиеся в архивах документы о его реабилитации. Это было уже в 1958 году.

...В залах музея авиации тишина, В.А. Карпов продолжал свой рассказ: - В молодости он был очень красив.

Да, я видела потом фотографии молодого Бартини, и про себя называю такие лица отмеченными печатью гения. Есть такая внутренняя одухотворенность, которую нельзя изобразить, она может быть только «от бога».

- Он был очень красив, - рассказывал мой собеседник, - кровь южная, горячая. Он очень любил женщин, и женщины любили его...

Да, видимо, женщины были его слабостью. Впрочем, разве человек абсолютно лишенный слабостей может быть интересен? Он так же скучен и однообразен, как звук камертона.

А женщины, естественно, любят тех, кто к ним не безразличен... И даже «свечка» за спиной не помешала подарить сына его избраннице в Таганроге. И растут теперь два внука и внучка Роберта Людвиговича. Один из них даже носит имя деда Роберт. И все они - Бартини.

В конце визита, когда мы с Робертом Людвиговичем поговорили о про-

шлом и будущем, о делах земных и вселенских, о «красном смещении», о старении фотонов, пока они странствуют по Вселенной, когда я подержала в руках сборник Академии наук с его статьей и поскорее захлопнула, - моего высшего математического образования явно не хватало, чтобы уловить суть даже первых арок, почти целиком написанных языком математических символов. Когда поднялись от неумело, по-мужски накрытого к чаю стола с синим эмалированным чайником и разномастными чашками, с тортом, нарезанным громадными кусками, - гостеприимный хозяин был полон радушия, - вот тогда Роберт Людвигович коротко рассказал о своей «экспозиции».

Да, действительно, поверхностный взгляд на его живопись вызывает некоторое недоумение. Здесь и наивные лебеди среди камышей, и самолет, стремительно скользящий по мокрой бетонной полосе. Здесь и сказочный сюжет о рождении чудо-богатыря по причине мутаций, вызванных взрывом сверхновой. И философские раздумья автора, с фрагментом тюремной решетки, отделенного от соблазнов мира. А там, за решеткой, среди разноцветных световых конусов, сходящихся далеко-далеко, - обнаженная Ева роняет из руки яблоко...

А «под занавес» Роберт Людвигович потянул к себе двери, ведущие в прихожую. За дверным полотном оказалась серия слегка выцветших акварелей. На меня в фас и в профиль, лукаво и призывно, задумчиво и равнодушно смотрели натурщицы. Постарели краски, а их лица и тела остались молодыми.

- Как вам это нравится? - спросил Роберт Людвигович.

- Нравится! - откровенно говоря, я была немного обескуражена.

- В Италии такие вещи не считаются предосудительными, а у нас не принято, - сказал он, прикрывая дверью красавиц.

Хотя тому, что происходило «у нас», он давно дал свою оценку, очень быстро разочаровавшись в идеалах, молодости, поняв свои заблуждения.

Как правило, гении бывают неудобны в быту. Сами трудно переносят одно и то же общество и для окружающих далеко «не подарок». Не сложилась семья и у Роберта Людвиговича. Женился он поздно, почти в сорок лет. Сына, первенца, потерял. Гера увлекался альпинизмом и погиб совсем молодым, студентом первых курсов. Сорвался со скалы. Сын Геры Олег живет в московской квартире Бартини.

Женой Роберта Людвиговича была шведка Елена Наполеон. Вероятно, эта женщина достойна отдельного рассказа: на ее счету подвиг материнства. Ей одной досталось растить и воспитывать Геру, рожденного ее мужу другой женщиной, но ставшего ей родным.

Когда Роберта Людвиговича арестовали, ребенку еще не было двух лет. Как жена «врага народа» она была выброшена из квартиры и прошла через все круги ада. Когда же Гера погиб, Елена уехала из Москвы в далекий Тянь-Шань, и похоронена она рядом с могилой сына.

Человек живой, остроумный, и в своем уже немолодом возрасте Роберт Людвигович не замыкался в рамках своей профессии. У меня в Таганроге в застолье с ним, кроме авиаторов, оказались педагоги, актеры - это был интерес-

ный собеседник и рассказчик, хорошо чувствующий юмор и умеющий мягко, тонко шутить.

Один моих гостей, человек искусства, спросил:

- В чем вы видите смысл жизни?

- Давайте, прежде всего, разберемся, что такое жизнь? Скажем, что есть я, Бартини? Во Вселенной рождаются и умирают звезды, она пронизана излучениями и частицами. Вакуума, как такового, не существует. На нашу Землю миллионы лет обрушиваются эти космические ливни. Они в воздухе, которым мы дышим, в воде, которую пьем, они впитаны каждой травинкой. Допустим, траву съела корова. Я выпил стакан молока или съел бифштекс - и вот эти частицы стали моей плотью. Значит, я - Бартини - случайное сочетание частиц.

- И нельзя сказать, что неудачное! - шутит собеседник.

- Причем, каждые одиннадцать лет, - продолжал Роберт Людвигович, - эти частицы полностью заменяются: то есть, из меня природа все время вынимает одни кирпичики и вставляет другие. Через одиннадцать лет все здание обновилось. Я это или уже не я?..

- Вы не ответили на вопрос, чем же все-таки смысл жизни? - настаивал собеседник.

- Я об этом как раз и говорю. Вот еще, представьте, что половину футбольного поля закрыли миллиметровкой. Клеточек на ней будет столько, сколько людей на Земле. Что будет, если одной клеточки мы недосчитаемся?

- Хорошо, вы рассматриваете жизнь как явление космическое и жизнь человечества как единое целое. Но в чем же все-таки смысл жизни отдельного человека?

- Уходя, зажечь лампочку, - почему-то немного сердито сказал Роберт Людвигович, - чтобы оставшимся жить было светлее.

...Начало декабря 1974 года. Он упал лицом вниз, будто споткнувшись на гладком паркете о невидимую преграду. Острая сердечная недостаточность. Множество важных земных дел осталось незавершенными. Роберт Людвигович работал до последнего дня, до последней минуты. Его продолжали волновать как проблемы научные, технические, так и проблемы будущего, близкого и далекого. Например, вопросы экологии. В восьмом номере «Вопросов философии» за тот же 1974 год я прочла информацию о теоретической конференции в Дубне на тему: «Будущее науки. Естествознание и экология». Среди имен выдающихся ученых страны, выступавших с докладами, было названо имя Бартини.

Его архив рассортировали: работы по аэродинамике поступили в ЦАГИ. Работы по теоретической физике - в соответствующий институт Академии Наук. Еще не вся «техническая крамола» Бартини, вероятно, понятна современникам.

Многогранность интересов Бартини сродни многогранности ученых Возрождения, сродни французским энциклопедистам - явление в наши дни до вольно редкое, если не исключительное. Причем, где бы Роберт Людвигович ни прилагал своих способностей, он никогда не выступал дилетантом. Впрочем, с

толкованием слова «дилетант» не всегда хочется соглашаться. Итальянское «дилетто» значит «удовольствие». Только с удовольствием выполняемая работа и может приносить удовлетворение, оказывается по-настоящему творческой, и часто - шедевром. Мог ли без удовольствия П.И. Чайковский написать свой «Первый Концерт» для фортепиано с оркестром? Рафаэль своих «Мадонн»? Фейхтвангер «Иудейскую войну»?

Та статья в сборнике Академии наук, которую показывал мне Роберт Людвигович, называлась «Некоторые соотношения между физическими константами». Рекомендовали работу к печати академики Б.М. Понтекорво и Н.Н. Боголюбов. Позднее, уже дома, я разобралась, в чем ее суть. Мировые физические константы, о которых идет речь, такие, как скорость фотонов, постоянная гравитации, постоянная кванта действия и другие, измерялись поколениями ученых в тонких хитроумнейших экспериментах и все-таки значения их оставались весьма приближенными. Метод Бартини позволяет их не измерять, а вычислять с необходимой степенью точности, то есть до любого знака после запятой.

У Бартини была своя концепция мира. Он считал, что представления человечества ограничены из-за ограниченности восприятия.

- Если вы сидите в зале, где на высокой эстраде играют двое шахматистов, причем, сидите так, что видите передвижения фигур только по срезу доски, но не видите клеток на ней, то, даже зная правила хода фигур, можете строить некоторые предположения об игре, лишь более или менее точные. Так и мы, наблюдая мир из одной точки - Земли, можем строить лишь некоторые гипотезы.

Или, скажем, так: если бы дождевой червяк мог построить свою модель мира, то в его описании мир был бы одномерным. Для зрителя в кинозале мир двухмерен. Человечество воспринимает мир трехмерным.

...В построениях Бартини пространство шестимерное. Не берусь судить, что это - заблуждение гения или его прозорливость?! Однако в некоторых философских статьях зарубежных авторов, приводимых в том же журнале «Вопросы философии», встречаются ссылки на «шестимерное пространство Бартини».

О деятельности Роберта Людвиговича Бартини как авиаконструктора люди, далекие от авиации, почти ничего не знали. Он был конструктором военных машин, а наши военные откровенностью не страдали. Он был противником называть самолеты по имени главного конструктора, потому что современный воздушный корабль - это большой труд многочисленного коллектива.

Кстати, некоторые товарищи ставили в вину Роберту Людвиговичу, что он не любил доводить данную модель до конца. Вроде того, что «кинет идею, а потом с ней выкручивайся!»

Мне видится в этом не недостаток характера Бартини, а переполненность замыслами: когда он видел, что главное уже бесспорно, утрачивал интерес. Его уже занимало другое.

Сослуживцы Бартини, люди, работавшие под его руководством, рассказывали, что работалось с ним легко. Он никогда ни с кем не говорил в приказном тоне, тем не менее, умел настоять, чтобы работа шла в нужном направлении и темпе.

Еще рассказывали, что старенькая вахтерша, узнав о его кончине, плакала и повторяла: «Такой человек был! Такой человек!»

Бартини считал, что современные самолеты уже настолько совершенны, что маловероятно их дальнейшее совершенствование. Кардинальное. А главный их недостаток ученый видел в высокой требовательности к качеству взлетно-посадочных комплексов. И работал над созданием летательного аппарата другого типа, у которого и подъемная сила будет создаваться на иных принципах, чем у самолета.

Мой собеседник в музее авиации, демонстрируя эти принципы, свернул из бумаги модель, слегка дунул на нее, и она полетела...

Так мне довелось увидеть прообраз летательного аппарата будущего. Его условно называли экранолетом. Обладая всеми положительными качествами самолета, он будет свободен от ряда его недостатков. Он сможет садиться на сушу без специально подготовленных площадок, на крышу большого здания или на поверхность воды... Пока это кажется фантастикой.

Чем больше стараешься вникнуть в сущность этого человека, тем сильнее складывается впечатление, что в нем фактически уживались две личности, два различных человека. Один отрешенный от мелочей земной жизни, умеющий глубоко и абстрактно мыслить, видеть в науке и технике значительно дальше современников, способный рождать новые идеи и новые гипотезы. И второй - по-детски наивный, разбазаривающий свой большой талант по мелочам (со щедростью истинного гения!), очень непрактичный. Интересно, как сложилась бы судьба, не окажись он в России?..

В начале семидесятых за написанную мною пьесу (на спор с главным режиссером нашего театра), неожиданно для себя на закрытом Всесоюзном конкурсе я получила премию Союза Писателей СССР. Но ни с этой, отмеченной премией, ни с другими пьесами пробиться на профессиональную сцену не могла. Тогда-то моя сестра и ее муж, работавшие с Бартини, пока он жил в Таганроге, и рассказали мне о Роберте Людвиговиче, - вот о ком надо писать!

Познакомившись с Бартини, я поняла, что материал не вместишь в театральный интерьер. Его хватило бы для большого и увлекательного романа! Пьеса же не состоялась. Получился очерк. Его обещала опубликовать «Литературная газета» (храню их письмо), но... Роберт Людвигович скоропостижно умер. Мой очерк лежал на его письменном столе. Роберт Людвигович успел его прочесть, и поставил несколько «птичек». К сожалению, уже нельзя было спросить, что они означают? Видимо, неточности. Один из членов комиссии по похоронам позвонил мне и предложил поменять экземпляр с пометками Бартини (он уже попал в опись архива) на идентичный, что и было сделано. Перерабатывая очерк для печати, я пропустила места, отмеченные «птичками».

...В мае этого года Роберту Людвиговичу Бартини исполнилось бы сто

пять лет.

ЦГТБ имени А. П. Чехова